

— Я выяснил, чем занимается этот Нань Юй. Он психически болен, но есть и хорошие новости: он не чувствует боли и не знает, что такое страх.

— Ребята, в этот раз у нас такие мощные баффы, неужели мы всё равно провалимся?

— Не знаю, не знаю. Не уверен, хорошо это или плохо, что Шангуань Цинье оказался с ним в одной команде.

На экране Нань Юй поднялся со стола, и перед ним предстала та самая сцена с Кровавыми письменами. Но стоило ему поднять голову, как зрители, наблюдавшие за прямой трансляцией, дружно ахнули.

Человек в кадре обладал волосами цвета снега, которые свободно рассыпались по плечам, словно низвергающийся серебряный водопад. Его кожа была безупречно бледной, а между бровей алела родинка-Чжуша, напоминающая нежную красную сливу, распутившуюся посреди заснеженной равнины — яркая и притягательная. Его глаза, подобные глубоким безмолвным омутам, не выражали ничего, кроме ледяного спокойствия. Стоило ему слегка приподнять взгляд, как в глубине зрачков вспыхнули искры, холодные и ослепительные, как звезды в зимнюю ночь. Длинные ресницы, точно крылья бабочки, едва заметно дрожали, отбрасывая мягкие тени на веки.

Чат замер в коротком молчании, будто само время остановилось, а затем взорвался, словно праздничный фейерверк.

— Да вы шутите! Исюэ, у вас там все такие? Как же это красиво и чертовски круто!

— Эй, комментатор выше, он не красивый, он статный! Не используй такие мягкие слова, они не передают его мощи.

— О боже, он прекрасен, я влюбилась!

— Такой красавец, сердце кровью обливается при мысли, что он может там погибнуть!

В конференц-зале люди, глядя на лицо Нань Юя, тоже не смогли сдержать восхищения. Неужели человек действительно может быть таким? Идеальные черты лица, чарующая аура — казалось, перед ними божество, сошедшее с полотна художника.

— Обычная ваза, просто с красивой мордашкой, — холодно бросила женщина-врач.

— Еще ничего не началось, а ты уже делаешь выводы? — тут же парировал кто-то из присутствующих.

— Хм, ну что ж, поживем — увидим, — женщина задрала подбородок, демонстрируя полное нежелание признавать свою неправоту.

Нань Юй глубоко задумался. Он был уверен, что переместился в реальный мир. Оглядевшись по сторонам, он почувствовал, как кто-то легонько коснулся его плеча. Обернувшись, он увидел соседа по парте. Тот выглядел как больной альбинизмом: кожа казалась даже бледнее, чем у самого Нань Юя, почти прозрачная, с отчетливо проступающими венами.

Альбинос протянул ему листок бумаги, на котором было написано: Не болтай, учитель не любит учеников, которые отвлекаются на уроках.

Нань Юй нахмурился, взял ручку и начертил в ответ: А что, учитель меня съест?

Он передал записку обратно, но сосед замер, не проронив ни слова и не шелохнувшись — словно тихая статуя. Нань Юй с любопытством наблюдал за происходящим: все ученики в классе с таким усердием внимали учителю, что это казалось пугающим. Неужели учебный процесс в этом мире настолько отличается от того, что он знал в прошлой жизни?

В этот же миг кусок мела, подобно молнии, полетел прямо в него. Нань Юй инстинктивно дернулся в сторону, и мел просвистел мимо щеки — он даже ощутил дуновение ветра. Мел с грохотом врезался в стену, и этот звук в тишине класса прозвучал оглушительно. Нань Юй был уверен: если бы этот снаряд попал ему в голову, мало бы не показалось.

Сидевший в первом ряду Шангуань Цинье тоже услышал этот грохот, и сердце его забилося в бешеном ритме. Ты что, ослеп? Не можешь прочитать правила для учеников на столе? Неважно, насколько умен его напарник, главное — выжить, это повышает шансы на успех. Если он останется один, о прохождении подземелья можно даже не мечтать. Он крепко сжал ручку, молясь, чтобы этот глупец, совершивший ошибку в самом начале, остался цел.

Чтение вслух внезапно прекратилось. Все ученики, словно по команде, уставились на Нань Юя. Теперь он понял, откуда исходило это странное ощущение. Все они выглядели так, будто из них выпили всю жизненную силу: сухие волосы, глубокие темные круги под глазами, впалые щеки, пустые взгляды и потрескавшиеся губы. Незнающий человек решил бы, что они принимают что-то запрещенное.

Лишь один парень выглядел нормально. Он был одет в бело-синюю школьную форму, коротко стрижен, с правильными чертами лица и здоровым пшеничным оттенком кожи, излучая энергию и бодрость. Парень беззвучно шевелил губами, и Нань Юй прочел по ним: Смотри правила на столе.

— Нань Юй! Что ты делаешь? Почему ты разговариваешь на уроке?! Это недостойно прилежного ученика!

Лицо учительницы, до этого казавшееся мягким, исказилось, словно она сменила маску на гримасу ужаса.

— Паренек, ты такой красавец, а толку никакого, только глазами хлопаешь! — пронеслось в чате.

Это сообщение стало камнем, брошенным в спокойное озеро, поднявшим огромную волну негодования.

— Ну вот и все. Красота не спасет, Исюэ обречен, а вместе с ним и Шангуань Цинье.

— Настоящее бедствие! — чат заполнился стенаниями.

Государство Лун утратило влияние на международной арене, и международный альянс отвернулся от него. Теперь им приходилось полагаться только на себя. Государство старалось изо всех сил отправлять подсказки своим Избранным, но у них было лишь три попытки на всё подземелье. А этот Нань Юй, которого все считали лишь красивой куклой, с самого начала подложил всем свинью. Еще до первого задания он нарушил правила.

Линь Чжэфэн побледнел и с отчаянием покачал головой.

— О, а разве я когда-то говорил, что я прилежный ученик? И разве нельзя повернуть голову, если шея затекла? — небрежно ответил Нань Юй на нападки учительницы.

В этот момент в его голове раздался механический голос:

[Поздравляем, получен талант D-ранга: Читающий стихи]

[Читающий стихи: через чтение стихов или песен вы обретаете способность влиять на эмоции окружающих. Чем сильнее воздействие, тем вероятнее, что образы из стихов или песен воплотятся в реальности]

Хм? Тут еще и таланты бывают? Нань Юй был удивлен, и интерес к этому миру разгорелся в нем с новой силой. Он-то думал, что все здесь — обычные люди.

— Почему другие могут терпеть, а ты нет? — лицо учительницы исказилось еще сильнее, а голос стал пронзительным.

Нань Юй еще в прошлой жизни ненавидел таких учителей и такие школы. Все эти фразы вроде: Учитель еще не пил воды, а ты уже хочешь? Учитель стоит, а ты сидишь, на что ты жалуешься? — вызывали у него лишь отвращение. По его мнению, учитель стоит, потому что получает за это зарплату, и ради денег может потерпеть, а ученики — совсем другое дело. Они

находятся в зависимом, уязвимом положении, и принуждать их к таким нелепым требованиям — просто несправедливо.

<http://bllate.org/book/21794/2254695>